

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВОЗНАНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Националистический дискурс является сегодня одним из доминирующих в общественном сознании россиян. Рост национализма в России и за рубежом был порожден мощными интегративными тенденциями в современном мире. Противоречия, возникшие между потребностями культурного развития народов и унифицирующими тенденциями глобальной цивилизации, активизировали этнические процессы. Достаточно сказать, что данная проблема стоит достаточно остро даже в таких благополучных странах, как Великобритания, Испания, Канада (1).

Опыт российских локальных войн развеял миф о беспроblemности национальных отношений в нашем Отечестве. Социальная структура советской эпохи на рубеже 80 - 90-гг. подверглась деформации. В поисках статусной идентичности многие обратили свой взор на этнические различия как наиболее легко распознаваемые. Национализм вписался в контекст новой социальной дифференциации как самый экстремальный и потому один из наиболее эффективных ее механизмов. И это понятно, ведь инаковость «другого», выраженная в его антропологическом облике, представляется самоочевидной (2).

Вряд ли нуждается в дополнительном обосновании тезис о необходимости специального анализа данной проблемы, в том числе и на региональном уровне. Сибирь никогда не была регионом проживания одного народа. На ее территории сегодня находятся несколько национально-территориальных образований: Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа и пр. События последних десяти лет российской истории превратили Сибирь в один из центров притяжения стихийных и организованных миграционных потоков. И дело не только в том, что нашими соседями становятся люди другой этнической культуры, со своими обычаями и традициями, вызывающими недоумение, а порой и раздражение. Они, встраиваясь в сложившуюся социальную структуру, вступает в конкуренцию за рабочие места и прочие ресурсы с теми, кто считает себя «коренными» жителями.

Национализм как модус общественного сознания россиян привлекает внимание в равной степени академических ученых и практических

политиков еще и потому, что национальная идентичность способна стать инструментом горизонтального и вертикального личностного позиционирования в социуме. Это означает, что принадлежность к нации оказывается одновременно источником уникальных духовных переживаний и средством борьбы за ресурсы и власть, статусное доминирование и пр.

На вопрос о том, что такое национализм и какова его природа, нет одного ответа. В общественных науках доперестроечных времен доминировала негативная оценка национализма. Само понимание данного феномена ограничивалось представлением о нем как о некоем принципе идеологии и политики, выражающемся в идеях о национальной исключительности, превосходстве одних народов над другими (3). Национализм характеризовался прежде всего как результат экономического неравенства. Однако сильные стороны анализа данной проблемы нивелировались двойными стандартами. Создавались парные понятия, описывающие одни и те же явления у «нас» и у «них», но имеющие неотъемлемый антонимичный оценочный оттенок, например, «патриотизм — национализм», «интернационализм — космополитизм».

Девяностые годы, благодаря переводной литературе, обогатили наше представление о национализме новым пониманием. Новый для нас подход исходил из посылки, что причиной национализма является стремление народов к сохранению собственной культурной уникальности, которая оказалась под угрозой вследствие развития НТР и порожденной ею культурной унификации. Научное сообщество признало, что в любом националистическом дискурсе присутствуют две тенденции: этническая и гражданская. Вопрос заключается в том, какая из них в тот или иной момент времени преобладает.

В России 90-х гг. в науке и практической политике явно преобладала этническая тенденция. Новое понимание позволило «облагородить» национализм, перевести его в противоположную оценочную категорию. Это обстоятельство вполне соответствовало «духу» времени, особенно если вспомнить парад суверенитетов, декларации о «возрождении» этнических культур в начале 90-х гг. и т. п.

В практической политике идея «возрождения» народов приобрела контур этнополитического самоопределения. Региональные элиты, используя лексику этнически ориентированного национализма, выступали с требованием экономических, властных и статусных привилегий в рамках федерального государства. Для обоснования притязаний усилиями интеллектуальных элит переписывается этническая история. Собственный народ описывается как невинно пострадавшая жертва, достойная лучшей участи.

«Усиление вертикали власти» остановило «парад суверенитетов». На смену идеологии этнического возрождения пришла идея нациестроительства. В выступлениях политиков и публикациях ученых последних лет возобладала риторика националистического дискурса гражданской ориентации.

В связи с перспективой его развития нельзя обойти вниманием теоретическое обоснование национализма нового типа, с которым научная общественность познакомилась благодаря работе Э. Геллнера «Нации и национализм» и ряду других переводных публикаций. Она гласит, что нация — плод свободного выбора политической идентичности или преданности некоторым политическим идеалам.

Таким образом, нация понимается как сообщество граждан одного государства, а национализм — как стремление политическими средствами обеспечить культурное единство этого сообщества. При этом культурность понимается не как фиксация этнической идентичности в паспорте по кровному принципу «национальности», а как принадлежность к определенному коммуникативному пространству, однородность которого достигается благодаря общей системе образования.

В науке этот подход послужил эффективным инструментом для анализа конкретных политических процессов. На его основе в этнографии сложилось конструктивистское направление, усматривающее корни национализма в притязаниях политических элит. Однако сам конструктивизм сегодня в России политически ангажирован. Защищая позицию федерального центра в противоборстве с региональными лидерами, представители этого направления нередко сами становятся фигурами политического влияния, используя свой научный статус как инструмент, а публикации — как канал трансляции нового типа дискурса. Таким образом, общественные науки (науки об этносе, в первую очередь) утрачивают претензии на статус ценностно-нейтрального средства познания реальности.

Проблема объективности научного исследования в отношении такого деликатного вопроса не является предметом праздного любопытства. Конструктивизм, как одно из направлений в отечественной этнологии, становится сегодня все более и более влиятельным. Будучи порождением философии постмодерна, он берет на вооружение идею конструирования властных отношений посредством системы дискурсов. Это позволяет исследователям, работающим в рамках данного направления, делать вывод о том, что национальная идентичность представляет собой продукт националистического дискурса. Особая роль в становлении общероссийской гражданской идентичности отводится средствам массовой коммуникации. И действительно, нередко мы слышим призывы ученых и государственных деятелей к журналистам с требованиями (просьбами) осознать свою роль в миссии гражданского просвещения общества.

Между тем, как и любая методология, конструктивизм имеет ряд ограничений. Самое существенное из них заключается в том, что в его рамках вопрос об онтологических основаниях существования нации становится даже не второстепенным, а вовсе не существенным. (Примордиализм, который занят поисками этих оснований в языке, культуре, территории, экономике, психологии, маркируется конструктивистами как маргинальное направление в науке). Нация, полагают конструктивисты, есть символ, порожденный усилиями интеллектуалов в интересах политических

элит. Нетрудно догадаться, что объект символического манипулирования — аудитория средств массовой информации.

Автор книги «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон пишет: «У современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата» (4). Он справедливо указывает на то, эффективность национализма становится очевидной тогда, когда возникает необходимость принести *жертву*. Однако в том случае, когда достоверность существования таких интеллектуальных конструктов, как «нация» или «отечество», подвергается сомнению, возможности влияния националистической символики также представляются сомнительными. Ничто так ярко не подтверждает данный тезис, как история с гимном РФ. В эпоху президентства Б. Н. Ельцина гимном государства служила мелодия М. Глинки, на которую так и не удалось написать удачный текст. Когда главой государства стал В. В. Путин, было принято решение написать новые слова на мелодию гимна СССР. В результате мало кто знает текст нового гимна.

Наконец, возможности самого конструктивистского подхода представляются зависимыми от того, в какой мере он будет готов к синтезу с подходами, возникшими на философских основаниях, отличных от постмодернистских. Речь идет, в первую очередь, о синтезе с направлениями, ориентированными на поиск онтологических оснований идентификационных структур сознания. Так, например, основанием гендерной идентичности служат биологические различия между людьми, основанием этничности — культурные различия, религиозного самоопределения — ценности. И только национальная идентичность остается «безосновной» в современном российском общественном сознании.

Нация появляется, по мнению Б. Андерсона, как сознание горизонтального товарищества. «Почему мы... здесь... вместе?», — этот вопрос задают герои его книги (5). Сегодня вопрос «что значит быть россиянином?» в лучшем случае остается без ответа. Возможно, позитивный ответ послужит ключом к разгадке проблемы общероссийской идентичности.

Примечания:

1. Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта СО РАН «Этнокультурное взаимодействие народов Евразии» (№ 20.1).
2. Дамберг С. В. Ксенофобия российских центров — фигура умолчания № 1 // XXI век: диалог цивилизаций и устойчивое развитие. Улан-Удэ, 2001. С. 48-50.
3. Национализм // Краткий словарь по философии. М., 1979. С. 196-197.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 33.
5. Там же. С. 79.

Опубл. в сб.: PR в изменяющемся мире: региональный аспект: Сборник статей по материалам научно-практической конференции / Под ред. Т. Н. Голобородовой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.